

Владислав Валерьевич Фрольцов

Политика ФРГ в отношении Польши в 1990-е – начале 2000-х годов: основные тенденции и противоречия

Wschodnioznawstwo 4, 139-157

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Владислав Валерьевич Фрольцов

Политика ФРГ в отношении Польши в 1990-е – начале 2000-х годов: основные тенденции и противоречия

Взаимодействие с Польшей явилось одним из наиболее проблемных направлений внешней политики ФРГ в 1990-е – начале 2000-х годов. Несмотря на активное сотрудничество между двумя государствами в различных сферах, в том числе в рамках ЕС и НАТО, внешнеполитические позиции Берлина и Варшавы далеко не всегда совпадают, а перечень спорных вопросов не уменьшается, а увеличивается.

Принципиальное стремление польских лидеров отстаивать собственные интересы зачастую воспринимается в Германии с недоумением, при этом немецкие политики предпочитают постоянно подчеркивать то обстоятельство, что именно правительство ФРГ приложило значительные усилия для «возвращения Польши в Европу». По этой причине нежелание польского руководства постоянно следовать в фарватере германского внешнеполитического курса зачастую рассматривается в Берлине как попытки РП стать новым центром силы в Центральной и Восточной Европе, опираясь на поддержку США. Сходной позиции придерживаются сегодня и в Москве. Далеко не случайно оценки внешней политики Польши на рубеже XX-XXI вв., которые присутствуют в работах отдельных немецких и большинства российских авторов, во многом совпадают. И для тех, и для других независимая от мнения ФРГ и Российской Федерации политика РП представляется не столько реальным следствием политических изменений в Центральной и Восточной Европе, последовавших за распадом СССР, сколько итогом политики США в отношении этого региона.

Так, бывший федеральный канцлер Г. Шредер в своих воспоминаниях открыто упрекает польское руководство в проамериканской позиции. Он заявляет, что вступление Польши и трех государств Балтии в ЕС и НАТО должно сформировать у населения этих стран сознание того, что об интересах собственной безопасности следует заботиться не по ту сторону

Атлантики, а по эту, у себя в Европе¹. А российский историк, депутат парламента и глава отделения созданного в январе 2008 г. «Института демократии и сотрудничества» в Париже Н.А. Нарочницкая открыто заявляет, что цель политики Вашингтона в отношении Польши, Чехии и Прибалтики заключается в том, чтобы Восточная Европа больше никогда не входила «ни в орбиту немцев, ни в орбиту русских», а стала сферой влияния США². При этом она не стесняется обвинять поляков, которые получили после войны Силезию, в неблагодарности по отношению к России³. Директор Центра международных исследований Института США и Канады Российской Академии наук, политолог А. И. Уткин, в свою очередь, утверждает, что в Польше не желали объединения Германии, не приводя при этом каких-либо конкретных фактов в пользу такого вывода⁴.

Такие утверждения в полной мере демонстрируют присутствие значительной доли субъективизма в оценке причин, которые обусловили ухудшение германо-польских отношений в начале 2000-х годов. Как уже отмечалось, данный подход в значительной степени присущ авторам из постсоветских государств, которые преувеличивают степень влияния США или иных третьих стран на характер германо-польских отношений. Именно это обстоятельство во многом предопределяет актуальность исследования основных тенденций в политике ФРГ в отношении РП, несмотря на наличие внушительного количества публикаций по этой проблеме в Германии и Польше. Выявление этих тенденций позволит определить предпосылки отсутствия взаимопонимания между немецкими и польскими лидерами в начале этого века. Их рассмотрение является целью данной статьи, которую необходимо начать с анализа событий осени 1989 г., когда проявились первые разногласия в двусторонних отношениях.

Пришедшее к власти в августе 1989 г. в результате первых свободных выборов в послевоенной Польше правительство Т. Мазовецкого выразило обеспокоенность по поводу отсутствия гарантий неизменности восточной границы Германии в обнародованном 28 ноября 1989 г. плане Г. Коля по воссозданию единого немецкого государства, который получил известность под названием «десять пунктов». Несмотря на весьма удачный его первый визит в Польшу, который состоялся 9-14 ноября 1989 г. и завершился подписанием Совместной декларации о германо-польском сотрудничестве и взаимопонимании, а также ряда других документов о взаимодействии в различных сферах, включая молодежный обмен, стремительное разрушение государственных структур ГДР обусловило возникновение

¹ G. Schroeder, *Entscheidungen. Mein Leben in Politik*, Hamburg 2007, s. 467.

² Н. А. Нарочницкая, *За что и с кем мы воевали*, Москва 2005, s. 73, 76-77.

³ Ibidem, s. 28, 37-38; В. Мазер, *Гельмут Коль*, Москва 1993, ss. 376.

⁴ А. И. Уткин, *Большая восьмерка: цена вхождения*, Москва 2006, s. 184.

определенной настороженности в Варшаве по поводу дальнейшего развития событий в обоих германских государствах⁵.

Опасения польского руководства вызывало упорное нежелание канцлера открыто отмежеваться от позиции крайне правого крыла ХДС и в особенности баварского ХСС, представители которых считали вполне уместной и своевременной дискуссию о справедливости послевоенных границ в Европе и статусе покинувших территорию Польши немцев. Как указывает сам канцлер в своих мемуарах, такая ситуация позволяла социал-демократам при негласной поддержке части свободных демократов надеяться на раскол в правящей коалиции⁶. По этой причине для Г. Коля было важно сохранить поддержку организаций «изгнанных», влияние которых на консервативно настроенных избирателей по-прежнему имело место⁷.

Тем не менее, 8 ноября 1989 г. канцлеру удалось провести через бундестаг резолюцию об отсутствии у ФРГ каких-либо территориальных претензий к Польше⁸. Важным фактором, который способствовал признанию Г. Колем особой важности этой проблемы для польской стороны, стала принципиальная позиция главы МИД ФРГ и лидера свободных демократов Х.-Д. Геншера⁹. На встрече с госсекретарем США Дж. Бейкером 12 декабря 1989 г. в Западном Берлине он предложил парламентам обоих германских государств принять декларации о незыблемости нынешней границы сразу после проведения первых демократических выборов в Народную Палату ГДР¹⁰.

Настойчивое желание польского правительства подписать т.н. «пограничный» договор о границе с ФРГ и ГДР еще до объединения представлялась Г. Колю не более чем досадным препятствием для достижения поставленной им цели. Стремление Т. Мазовецкого не допустить правового «вакуума» в вопросе о границе после воссоздания единого германского государства вполне соответствовало представлениям Х.-Д. Геншера, а также нового коалиционного правительства ГДР об условиях объединения, однако могло привести к потере блоком ХДС/ХСС части голосов консервативно настроенных избирателей на первых общенемецких выборах. Добившись взаимопонимания с М. Горбачевым, канцлер надеялся, что одобрение Москвой объединения Германии неизбежно приведет к согласию со всеми его условиями Варшавы, позиция которой уже не будет угрожать его образу

⁵ H. G. Lehmann, *Deutschland-Chronik 1945 bis 2000*, Bonn 2000, s. 425.

⁶ J.-K. Fromme, *Bundeshaushalt 2008 bietet gute Perspektiven für Vertriebene, Aussiedler und deutsche Minderheiten*, „CDU/CSU-Fraktion im Deutschen Bundestag“, 5. Juli 2007, s. 162-163.

⁷ K. Diekmann, *Helmut Kohl „Ich wollte Deutschlands Einheit“*, Berlin 2000, s. 360.

⁸ H. G. Lehmann, *op.cit.*, s. 425.

⁹ K. Diekmann, *op.cit.*, s. 162.

¹⁰ А. фон Плато, *Объединение Германии – борьба за Европу*, Москва 2007, s. 194-195, 240.

«объединителя немецких земель». Весь послевоенный дипломатический опыт лидеров ФРГ свидетельствовал о второстепенной, если не третьей-степенной значимости переговоров со странами просоветской Восточной Европы, лидеры которой неизменно следовали указаниям «старших братьев». Далеко не случайно, ведя переговоры с президентом СССР Г. Коль подробно информировал его о разногласиях с поляками, рассчитывая, по всей видимости, на то, что М. Горбачев по-прежнему обладает необходимым влиянием на польское руководство¹¹. А немецкий историк А. фон Плато, который детально проанализировал содержание протоколов переговоров двух лидеров в 1990 г., подробно описывает, как на встрече 10 февраля 1990 г. в Москве Г. Коль просил своего советского партнера не поднимать проблему германо-польской границы в связи с внутривосточными соображениями¹².

Однако таких рычагов у Советского Союза уже не было. Польская политика теперь не зависела от мнения Москвы. Постепенно осознавая это, 5 марта 1990 г. в телефонном разговоре с Ф. Миттераном Г. Коль предложил ему разъяснить позицию ФРГ польскому руководству, которое должно было вскоре прибыть с визитом в Париж. Через три дня бундестаг принял новую резолюцию, предложенную правящей коалицией, в которой содержался призыв к парламентам обоих немецких государств заявить о неизбежности границы с РП как можно скорее после проведения выборов в ГДР. По предложению Ф. Миттерана, министр иностранных дел К. Скубишевский был приглашен на третий раунд переговоров по формуле «2+4», который завершился 17 июля 1990 г. в Париже¹³.

Польша вновь осваивала роль одного из важных субъектов европейской политики, способного эффективно взаимодействовать с партнерами и на Западе, и Востоке. При активной поддержке Великобритании и Франции, а также согласия США и СССР польские лидеры сумели добиться решения о заключении специального двустороннего соглашения о границе сразу после объединения Германии¹⁴. В ходе этих переговоров руководство ФРГ убедилось, что в новой политической реальности страны Центральной и Восточной Европы и, в первую очередь, РП превратились в наиболее последовательных сторонников отказа от т.н. «дипломатии великих держав», которая подразумевала достижение согласия между ними за счет игнорирования интересов более слабых государств. Именно по этой причине, спеша успокоить польское (и французское) общественное мнение, уже в середине января 1990 г., находясь в Париже, Г. Коль подчеркнул, что большинство

¹¹ К. Diekmann, *op.cit.*, s. 243.

¹² А. фон Плато, *op.cit.*, s. 245-247, 336-346.

¹³ К. Diekmann, *op.cit.*, s. 281-282, 289-291.

¹⁴ Ibidem, s. 398-399.

немцев не желают обсуждать пограничную проблему. А 21 июня 1990 г. последовала совместная резолюция парламентов ФРГ и ГДР о признании незыблемости границы по линии Одер-Нейсе, что убедило польскую сторону снять прежнее требование о заключении соответствующего договора еще до объединения. Соглашение о границе с Польшей было подписано 14 ноября 1990 г. в Варшаве. Наконец, 17 июня 1991 г. в Бонне был заключен Договор о сотрудничестве и добрососедстве, который стал основой для взаимодействия двух стран в последующем¹⁵.

Однако дальнейшее развитие отношений натолкнулось на целый ряд препятствий, связанных с деятельностью немецкого «Союза изгнанных», члены которого называли себя «жертвами объединения»¹⁶. Не имея реальной возможности поставить под сомнение принцип неизменности послевоенной германо-польской границы, они настаивали на необходимости компенсировать им потерю имущества. Такие заявления вызывали настороженность в Польше, жители которой опасались, что экономические проблемы в их стране помогут немецкому капиталу, а следом за ним и новым немецким поселенцам закрепиться на тех территориях, которые ранее входили в состав германского государства.

В этой ситуации особую роль должны были сыграть усилия правительств ФРГ и РП по преодолению негативного исторического опыта взаимодействия двух народов. Для нового поколения польских политиков Германия представлялась, в первую очередь, ключевым партнером в Европе, который мог помочь Польше справиться с последствиями социально-экономического кризиса. Внешнеполитический курс Г. Коля воспринимался в Варшаве как вполне совместимый с польскими интересами. Более того, лишь после прихода к власти в Польше демократических сил была решена проблема с немецким меньшинством, права которого были ущемлены на протяжении многих десятилетий. Польская сторона была готова говорить и о судьбе депортированных с территории послевоенной Польши немцев. Так, в мае 1990 г. в интервью немецкой газете «Тэгесцайтунг» председатель фракции Парламентского Гражданского клуба в сейме и сенате Б. Геремек напомнил, что впервые о моральных обязательствах поляков в связи с этой проблемой было заявлено еще в 1964 г. в обращении польских епископов к их немецким коллегам¹⁷. Необходимо уточнить, что в действительности такое обращение датируется 19 ноября 1965 г., и сам факт его появления свидетельствует в пользу утверждения польского политолога Б. Керского,

¹⁵ Ibidem, s. 359; H. G. Lehmann, *op.cit.*, s. 405, 432, 504-506.

¹⁶ *Polen auf dem Weg nach Europa*, „Information fuer politischen Bildung. Bundeszentrale fuer politische Bildung“ 1991, heft 142/143: „Deutsche und Polen“, s. 72.

¹⁷ K. Bachmann, *Schneller Abzug sowjetischer Truppen aus Polen. Interview mit B. Geremek*, „Die Tageszeitung“, 4 Mai 1990.

который выделяет особую роль церкви в примирении двух народов в период существования советского блока¹⁸.

Уже через несколько недель после начала работы правительства Т. Мазовецкого, в сентября 1989 г. был отменен запрет на преподавание немецкого языка в Опольском и Катовицком воеводствах, в дальнейшем в этом регионе Польши стало возможно использовать немецкий язык в делопроизводстве, появились немецкоязычные теле- и радиопередачи. Создание демократических институтов местного самоуправления позволило польским немцам получить представительство в поветовых органах власти, в первую очередь, в Верхней и Нижней Силезии¹⁹. После подписания Договора о сотрудничестве и добрососедстве в июне 1991 г. статус немецкого меньшинства в Польше был признан и гарантирован на межгосударственном уровне. Это позволило Г. Колю более уверенно оппонировать представителям правого крыла христианских демократов.

Самому канцлеру, в свою очередь, пришлось окончательно пересмотреть свое прежнее видение места и роли стран Центральной и Восточной Европы в международных отношениях. Как и для многих его западных коллег, быстрый и необратимый распад СССР оказался для него неожиданностью. Такое развитие событий потребовало от немецкого руководства изменить отношение к восточным соседям, сотрудничество с которыми отныне превращалось в не менее значимое направление внешнеполитического курса ФРГ, чем взаимодействие с Москвой. Польша, Чехия, Венгрия становились ключевыми партнерами Германии на Востоке. От отношений с этими странами во многом зависела степень германского влияния на европейскую политику в целом, полноправными субъектами которой стали бывшие страны советского блока.

В мемуарах Г. Коль пишет, что с самого начала своей политической карьеры он стремился следовать изложенному в правительственной декларации 1949 г. призыву канцлера К. Аденауэра добиваться примирения с Польшей. Во время работы в земельном парламенте Рейнланд-Пфальца молодой депутат Г. Коль отвечал за развитие контактов с Польшей, а в 1980-е годы именно христианские демократы, лидером которых он являлся, оказывали активную поддержку профсоюзу «Солидарность», в то время как у многих лидеров западногерманских социал-демократов сложились более тесные связи с коммунистическим руководством ПНР²⁰. Именно знание польской проблематики позволило Г. Колю обозначить в начале 1990-х годов не-

¹⁸ B. Kerski, *Spoleczny wymiar polityki międzynarodowej. Rola inicjatyw pozarządowych w stosunkach polsko-niemieckich przed 1990 rokiem*, [w:] *Stosunki polsko-niemieckie 1949-2005. Wspólnota wartości i interesów?*, B. Kerski, W.-D. Eberstein (red.), Olsztyn 2005, s. 155-156.

¹⁹ *Polen auf dem Weg...*, s. 73-74.

²⁰ K. Diekmann, *op.cit.*, s. 105, 107; H. Kohl, *Mein Tagebuch 1998-2000*, Muenchen 2000, s. 29.

сколько базовых направлений германо-польского взаимодействия, которые позволили создать прочную основу для стратегического партнерства. К таковым следует отнести:

1. Активное сотрудничество в сфере экономики

К концу пребывания Г. Коля на посту канцлера ФРГ вышла на первое место по объему инвестиций в экономику РП. В 1998 г. польский экспорт в Германию составил больше трети от общего его объема. Польша импортировала из этой страны более четверти всех товаров и услуг. Значение РП для немецкой экономики также постепенно повышалось, Польша стабильно входила в число наиболее важных внешнеторговых партнеров ФРГ²¹. Активно развивалось приграничное сотрудничество. При этом уровень жизни в западных воеводствах рос быстрее за счет более интенсивного притока инвестиций и широких возможностей для местного населения работать на территории Германии и получать больший доход. Опасения по поводу массовой скупки земли немцами в этой части Польши оказались беспочвенными, хотя и прибавили популярности тем политикам, которые выступали против вступления РП в ЕС.

Вместе с тем, определенное опасение вызывал тот факт, что, начиная с 1991 г., с помощью генерального консульства ФРГ во Вроцлаве многие жители польской Силезии (при этом часть из них не была этническими немцами) сумели получить немецкие паспорта. Их численность к концу 1994 г. колебалась между 50 тыс. и полумиллионом человек²². Хотя ни Германия, ни Польша не признавали наличие у них двойного гражданства, второй паспорт позволял этим людям более уверенно чувствовать себя при трудоустройстве за пределами РП. После присоединения этой страны к Европейскому Союзу политическая составляющая проблемы потеряла свою актуальность.

Еще одним направлением двустороннего сотрудничества стало создание еврорегионов, функционирование которых позволило не только более тесно интегрировать экономики двух стран, но и способствовало росту взаимопонимания между народами. В 1993 г. были образованы еврорегионы «Про-Европа Виадрина» и «Спрева, Ныса, Бор» на германо-польской границе, в 1995 г. – «Ныса» с участием Чехии и «Померания» с привлечением Швеции²³. Их создание стало очередным шагом на пути Польши в ЕС.

²¹ Польша, [w:] *Страны мира. Информационно-аналитический справочник ЦРУ*, Екатеринбург 2001, s. 412.

²² К. Bachmann, *Die Schlesier haben's besser*, „Die Tageszeitung”, 15 Dezember 1994.

²³ Idem, *Polska kaczka w europejskim stawie. Polskie szanse i wyzwania po przystąpieniu do Unii Europejskiej*, Warszawa 2006, s. 86.

2. Содействие интеграции РП в Европейский Союз и НАТО

К середине 1990-х годов, когда была решена проблема вывода российских войск как из Польши, так из самой Германии, федеральное правительство стало решительным сторонником расширения НАТО на Восток за счет включения в эту организацию Польши, Венгрии и Чехии. В ситуации неопределенности на постсоветском пространстве передвижение восточной границы блока на тысячу километров от немецкой территории рассматривалось в качестве необходимого условия обеспечения безопасности ФРГ почти всеми политическими силами этой страны. Целесообразность присоединения Польши к НАТО не ставилась под сомнение ни правящей коалицией ХДС/ХСС и СвДП, ни находившимися в оппозиции к правительству Г. Коля социал-демократами²⁴. Благодаря такому консенсусу присоединение Польши к альянсу произошло уже после прихода к власти левых сил во главе с Г. Шредером и Й. Фишером.

Будущее вступление РП в ЕС также не вызывало серьезных разногласий среди немецких политиков, которые справедливо рассчитывали на то, что обширный польский рынок, как и относительно дешевая польская рабочая сила помогут немецкой экономике преодолеть системный кризис. Такая позиция Германии была четко заявлена в ходе Люксембургского саммита ЕС в декабре 1997 г., на котором обсуждались перспективы расширения союза²⁵. Г. Коль однозначно высказался за присоединение Польши к ЕС, рассматривая его как исторический шанс для укрепления стабильности в Европе. Он проигнорировал опасения министра продовольствия, сельского и лесного хозяйства ФРГ Й. Борхерта по поводу возможного ухудшения положения германских сельхозпроизводителей в связи с будущим притоком польской аграрной продукции на немецкий рынок²⁶. На фоне таких опасений символическое значение приобрело участие глав правительств двух стран Г. Коля и Е. Бузека в открытии нового пограничного моста во Франкфурте на Одере, которое состоялось за неделю до начала саммита в Люксембурге²⁷. Совместная акция была призвана продемонстрировать скептикам в Германии и Польше настойчивое желание руководства обеих стран добиться поставленной цели, не взирая на возникающие трудности.

²⁴ D. Rullf, *Ein Spiel mit dem Feuer*, „Die Tageszeitung“, 21 January 1997.

²⁵ A. Berger, *Hue und hott: Bonn und die EU-Osterweiterung*, „Die Tageszeitung“, 6 Oktober 1997.

²⁶ Idem, *EU beraet die Verschiebung der Grenzen*, „Die Tageszeitung“, 12 Dezember 1997.

²⁷ C. Ochmann, *Polen*, [w:] *Europa-Handbuch*, W. Weidenfeld (red.), Bonn 1999, s. 231.

3. Координация совместных усилий по стабилизации ситуации в Центральной и Восточной Европе

Еще в феврале 1990 г. министр иностранных дел Польши К. Скубишевский призвал, выступая в Познани, к формированию «польско-немецкой общности интересов» в Европе. Такой подход соответствовал желанию федерального правительства стать «защитником» («адвокатом») стран Центральной и Восточной Европы в ЕС и НАТО, что позволяло ФРГ позиционировать себя в качестве представителя интересов не только 80 млн. немцев, но и более 100 млн. жителей бывших государств советского блока. С учетом своего значительного демографического и экономического потенциала Польша рассматривалась в качестве основного немецкого партнера в регионе. Как отмечал в 2001 г. германский исследователь Д. Бинген, большинство премьер-министров и глав МИД РП, начиная с 1989 г., совершало если не первый, то второй свой визит в Германию. Г. Коля побывал в Польше трижды, при этом в ходе последнего посещения Варшавы в октябре 1998 г. президент А. Квасьневский наградил его высшей польской наградой – Орденом Белого Орла. Свидетельством особой доверительности в двусторонних отношениях стало также участие федерального президента Р. Херцога в августе 1994 г. в мероприятиях, посвященных 50-летней годовщине начала Варшавского восстания. Не менее символическое значение приобрело выступление в качестве основного докладчика главы МИД РП В. Бартошевского в бундестаге 28 апреля 1995 г. накануне 50-летия окончания второй мировой войны²⁸. Министр открыто заявил о «страданиях невинных немцев, которые потерпели от последствий войны и потеряли свою родину»²⁹. Такая оценка депортации немецкого населения с польской территории после окончания второй мировой войны свидетельствовала о серьезном прогрессе в двусторонних отношениях, в рамках которых стало возможно открыто обсуждать и такие чувствительные для обеих сторон проблемы³⁰.

Достигнутый уровень доверия, который явился итогом многолетнего сотрудничества Г. Коля с польскими политиками, помог преодолеть конфликтную ситуацию, которая возникла летом 1998 г. после принятия бунде-

²⁸ D. Bingen, *Deutsch-polnische Beziehungen*, „Information fuer politischen Bildung. Bundeszentrale fuer politische Bildung” 2001, heft 273: „Polen”, s. 56-61.

²⁹ H. G. Lehmann, *op.cit.*, s. 511.

³⁰ M. Mildenerger, *Czy „wspólnota interesów” funkcjonuje? Stosunki polsko-niemieckie w latach 1989-2005*, [w:] *Stosunki polsko-niemieckie 1949-2005. Wspólnota wartości i interesów?*, *op.cit.*, s. 165-169.

стагом 29 мая этого года резолюции «Изгнанные, переселенные и немецкое меньшинство как мост между немцами и их восточными соседями»³¹. Хотя в тексте не шла речь о конкретных претензиях в адрес польского правительства, сам факт ее принятия по инициативе правящей коалиции ХДС/ХСС и СвДП вызвал серьезную обеспокоенность в Польше. Бундестаг призвал учитывать «правомочные интересы» депортированных немцев в ходе диалога с восточными соседями ФРГ. Такая формулировка породила вполне обоснованные опасения в Варшаве, где с тревогой наблюдали за усилением активности «Союза изгнанных» накануне намеченных на сентябрь этого года выборах в немецкий парламент. В ответ польский сейм обратил внимание на «двузначность» содержания резолюции, напомнив 3 июля 1998 г. о незыблемости послевоенной границы между двумя странами и неправомерности имущественных исков к РП³².

Тем не менее, эскалации конфликта удалось избежать благодаря взвешенной политике правительства Г. Коля, которое в очередной раз продемонстрировало нежелание прислушиваться к мнению радикально настроенных лидеров «Союза изгнанных». Для разъяснения официальной позиции ФРГ по этому вопросу в Варшаву была отправлена спикер бундестага Р. Зюссмут³³. В итоге, однако, отношение к немцам в польском обществе ухудшилось, что зафиксировали приведенные социологом А. Невядомской-Фрилинг данные опросов³⁴.

После смены правительства в Берлине осенью 1998 г. двусторонние отношения продолжали развиваться достаточно динамично, хотя многие польские политики выражали разочарование по поводу поражения на выборах зарекомендовавшего себя в качестве «адвоката» Польши в Европе Г. Коля. Вместе с тем, новое правительство во главе с Г. Шредером могло не учитывать мнение правого крыла ХДС и ХСС, перешедших в оппозицию, поскольку активисты «Союза Изгнанных» никогда не принадлежали к числу избирателей СДПГ и уже тем более партии «зеленых». В марте 1999 г. Польша благополучно присоединилась к НАТО, продолжился процесс подготовки к вступлению этой страны в ЕС. Символом продолжения прежнего курса на сближение стало участие высшего руководства Германии в ме-

³¹ *Vertriebene, Aussiedler und deutsche Minderheiten sind eine Brücke zwischen den Deutschen und ihren östlichen Nachbarn. Antrag der Fraktionen der CDU/CSU und F.D.P.*, „Deutscher Bundestag 13. Wahlperiode“, Drucksache 13/10845, 27. Mai 1998.

³² *Oświadczenie Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 3 lipca 1998 r. w sprawie rezolucji Bundestagu „Wypędzeni, przesiedleńcy i mniejszości niemieckie są pomostem między Niemcami i ich wschodnimi sąsiadami” z dnia 29 maja 1998 r.*, „Monitor Polski” 1998, nr 23, poz. 332.

³³ M. Mildemberger, *op.cit.*, s. 170-171.

³⁴ A. Niewiadomska-Frieling, *Stosunki polsko-niemieckie na płaszczyźnie społecznej w świetle opinii publicznej po 1989 roku*, [w:] *Stosunki polsko-niemieckie 1949-2005. Wspólnota wartości i interesów?*, *op.cit.*, s. 243.

роприятиях, посвященных 60-летней годовщине начала второй мировой войны³⁵.

Тем не менее, именно после прихода к власти в ФРГ социал-демократов в двусторонних отношениях произошел кризис, который продолжает оказывать негативное влияние на их динамику вплоть до сегодняшнего дня. Г. Шредер не смог осуществить такую же значительную переоценку роли Польши в европейской политике после присоединения этой страны к НАТО и ЕС, какую удалось произвести его предшественнику на посту канцлера после распада СССР. В 1990-1991 гг. Г. Коль пришел к вполне очевидному выводу, что эпоха подчинения польских интересов мнению Москвы прошла, и поэтому единственным эффективным курсом в отношении РП может стать только тесное взаимодействие с ней, а также и помощь восточному соседу в проведении необходимых реформ.

Окончательное «возвращение» Польши в Европу, итогом которого явилось вступление этой страны в ЕС 1 мая 2004 г., не стало поворотным пунктом в политике правительства Г. Шредера. РП по-прежнему рассматривалась в качестве младшего партнера, который должен был испытывать благодарность за оказанную помощь и по этой причине обязан был следовать в русле германской политики. Разногласия из-за участия Польши в военной операции США и их союзников в Ираке стали лишь одним из поводов для конфликта интересов между Берлином и Варшавой, поскольку, как стало известно в дальнейшем, федеральное правительство продолжало негласно взаимодействовать с США и другими союзниками по НАТО в ходе подготовки и проведения иракской кампании. Направляя солдат в Ирак, польское правительство справедливо полагало, что оно имеет полное право принимать не зависящее от мнения других стран решение по этому вопросу, как это сделали другие европейские партнеры ФРГ, к примеру, Нидерланды или Италия. Однако для руководства Германии такой подход означал, что Польша более не нуждается ни в «защитниках», ни в «адвокатах» в отношениях с другими государствами. Особое недовольство в Берлине и Париже вызвало присоединение РП к т.н. «письму восьми» в поддержку американской политики без предварительной консультации с ФРГ и Францией³⁶. В результате уже в феврале 2003 г. лишь каждый третий поляк назвал Германию важнейшим международным партнером РП, в то время как в пользу США высказалось половина опрошенных³⁷.

Претензии немецкой стороны к Польше подробно перечисляет в своих мемуарах Г. Шредер. Бывший канцлер упрекает поляков в неблагодарности,

³⁵ *Vertriebene, Aussiedler und deutsche Minderheiten...*

³⁶ P. Buras, „Moment krytyczny” i nowe horyzonty. Stan i perspektywy relacji polsko-niemieckich, [w:] *Stosunki polsko-niemieckie 1949-2005. Wspólnota wartości i interesów?*, op.cit., s. 277.

³⁷ A. Niewiadomska-Frieling, op.cit., s. 246-247.

утверждая, что лишь поддержка ФРГ на Копенгагенском саммите ЕС в декабре 2002 г. позволила Польше стать кандидатом на вступление. При этом Германия взяла на себя значительное финансовое бремя по ее подготовке к членству в союзе, о чем в Варшаве предпочитают не вспоминать. Далее Г. Шредер заявляет, что нынешнее польское правительство своими «анти-немецкими, антироссийскими и антиевропейскими выпадами» действует не в интересах собственной страны, как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе. Он также напоминает о введенном Польшей 12-летнем моратории на покупку земли иностранцами, хотя и признает, что при активной поддержке ФРГ был введен 7-летний мораторий на миграцию рабочей силы из стран бывшего советского блока на Запад. Г. Шредер утверждает, что он пошел навстречу просьбе премьер-министра Л. Миллера и поддержал введение для Польши 55%-го уровня от 100% европейской нормы прямого дотирования сельского хозяйства. Для других новых членов ЕС объем таких дотаций составил лишь 25% от нормы при условии его повышения до 100% через десять лет³⁸.

Главным виновником ухудшения двусторонних отношений бывший канцлер считает немецкие общественные организации: уже упомянутый «Союз Изгнанных» и «Прусскую Опекун», которая потребовала от Польши возратить депортированным немцам или их потомкам собственность либо выплатить им компенсацию. Кроме этого, «Союз изгнанных» принял решение основать общенациональный Центр против изгнаний, что вызвало протесты польской стороны, кульминацией которых стало принятие сеймом 10 сентября 2004 г. резолюции с предложением к правительству М. Бельки потребовать от Германии выплаты репараций³⁹. Недовольство польской стороны вызвал и тот факт, что претензии ФРГ были направлены лишь против Польши и Чехии, но не против Российской Федерации, хотя, как справедливо заметил известный польский социолог Е. Вятр, немецкое население было изгнано и с территории нынешней Калининградской области РФ⁴⁰.

Последовательный сторонник укрепления сотрудничества с Россией Г. Шредер в своих мемуарах напоминает, что он высказался категорически против как создания Центра, так и обсуждения вопроса о репарациях,

³⁸ G. Schroeder, *op.cit.*, s. 363-365.

³⁹ Ibidem, s. 343-344; M. Mildenerger, *op.cit.*, s. 187; *Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 10 września 2004 r. w sprawie praw Polski do niemieckich reparacji wojennych oraz w sprawie bezprawnych roszczeń wobec Polski i obywateli polskich wysuwanych w Niemczech*, „Monitor Polski” 2004, nr 39, poz. 678.

⁴⁰ J. Wiatr, *Rola kultury i percepcji w stosunkach transatlantycznych*, [w:] *Polska-Niemcy. Tożsamości i kryteria bezpieczeństwa w stosunkach transatlantycznych*, S. Dębski, T. Jaskułowski (red.), Warszawa 2005, s. 44.

предложив, в свою очередь, поддержать инициативу президентов А. Квасьневского и Х. Келера о создании европейской сети (программы) по преодолению последствий изгнания⁴¹. Решение о создании такой структуры бундестаг принял еще 4 июля 2002 г.⁴² Примечательно, что 14 мая 2002 г. известные польские интеллектуалы А. Михник и А. Кшеминьский в своей статье в «Газете Выборчей» предложили главам правительств двух стран создать такой центр во Вроцлаве, однако их призыв остался без ответа.

В заключении Г. Шредер констатирует, что в Польше наблюдается «крен вправо, к национализму», который, по его мнению, носит неуправляемый характер, что может повредить и немецко-польским отношениям, и Европе в целом⁴³. К проводникам такой политики бывший канцлер, очевидно, причисляет прежде всего Л. Качиньского, который еще в бытность мэром (президентом) Варшавы был, как утверждает Г. Шредер, известен своими своими националистическими и антигерманскими настроениями⁴⁴. Конкретных примеров проявления таких взглядов со стороны нынешнего президента РП экс-глава правительства ФРГ не приводит. Примечательно также, что он лишь вскользь упоминает в своих мемуарах о роли Г. Коля в процессе германо-польского примирения⁴⁵.

Отнюдь не способствовали развитию доверительных отношений между германскими и польскими лидерами и активно продвигаемые Г. Шредером и Й. Фишером в начале 2000-х годов идеи о выделении «ядра» европейской интеграции, вхождение в которое еще только претендующей на членство в ЕС Польши явно не планировалось⁴⁶. По сравнению с политикой Г. Коля, который пригласил эту страну присоединиться к франко-германскому диалогу в рамках т.н. «Веймарского треугольника», разделение членов ЕС на группы было воспринято в Варшаве (как и во многих других европейских столицах) как очевидное свидетельство нежелания Берлина считаться с их интересами. В результате в ходе обсуждения проекта Европейской Конституции между Польшей и ее западными партнерами возникли серьезные разногласия, обусловленные опасениями польской стороны по поводу возможного ущемления ее интересов в дальнейшем в случае принятия предлагаемого ФРГ и Францией варианта⁴⁷.

⁴¹ G. Schroeder, *op.cit.*, s. 347.

⁴² *Fuer ein europaeisch ausgerichtetes Zentrum gegen Vertreibungen. Beschluss des Deutschen Bundestages vom 4. Juli 2002*, <http://www.z-g-v.de> (10 III 2008).

⁴³ G. Schroeder, *op.cit.*, s. 467.

⁴⁴ *Ibidem*, s. 345.

⁴⁵ *Ibidem*, s. 473.

⁴⁶ Дж. Гудби, *Стратегия стабильного мира. Навстречу Евроатлантическому сообществу безопасности*, Москва 2003, s. 86-88.

⁴⁷ M. Mildenerger, *op.cit.*, s. 189.

Помимо этого, по справедливому замечанию польского исследователя П. Бураса, новый немецкий канцлер стремился к преодолению роли «младшего партнера» США в международных отношениях, пытаясь добиться своей цели путем установления более тесных отношений с Россией и Китаем⁴⁸. Такое видение приоритетов немецкой внешней политики едва ли содействовало укреплению стратегического партнерства с менее влиятельными в мировой политике европейскими соседями. К их числу принадлежала и Польша, которая все более активно претендовала на статус регионального лидера в условиях отсутствия внешнеполитического консенсуса между ФРГ и США⁴⁹. Такая ситуация, как вполне обоснованно утверждает польский эксперт Л. Кулеса, позволяет руководству Польши выработать новое видение роли своей страны в обеспечении как региональной, так международной безопасности⁵⁰.

Правительства Г. Шредера явно недооценило эти изменения во внешнеполитической стратегии своего восточного соседа. Самому канцлеру не удалось наладить хороший личный контакт с польскими руководителями, как это, к примеру, получилось у Г. Коля в отношениях с Т. Мазовецким или главой МИД РП В. Бартошевским⁵¹. Немаловажным фактором, который помог этому политику наладить доверительный диалог с лидерами Польши, было его искреннее уважение к роли католической церкви в польском обществе⁵². Так, по время уже упомянутого первого визита в РП в ноябре 1989 г. Г. Коль и Т. Мазовецкий приняли участие в католической мессе в бывшем поместье казненного за подготовку покушения на Гитлера 20 июня 1944 г. графа Г. фон Мольтке в нижнесилезской Кжижове (Крейзау)⁵³. По мнению немецкого исследователя М. Мильденбергера, символизм этого мероприятия охарактеризовал культурную основу германо-польского диалога в 1990-е годы⁵⁴. Общие ценности и моральные ориентиры позволяли лидерам Германии и Польши сохранять взаимопонимание даже в случае возникновения разногласий по конкретным вопросам. Социал-демократу Г. Шредеру добиться такого же уровня доверия было сложнее.

⁴⁸ P. Buras, *op.cit.*, s. 274-275.

⁴⁹ A. Nowak, *Polskie doświadczenia z imperializmem i ich współczesne echa*, [w:] *Polska-Niemcy. Tożsamości i kryteria bezpieczeństwa w stosunkach transatlantyckich*, *op.cit.*, s. 65-66; J. Thies, *Wpływ kultury i tożsamości politycznej na stosunki transatlantyckie: Odrodzenie postaw antyamerykańskich w Niemczech podczas prezydentury G.W. Busha?*, [w:] *Polska-Niemcy. Tożsamości i kryteria bezpieczeństwa w stosunkach transatlantyckich*, *op.cit.*, s. 52-53.

⁵⁰ Ł. Kulesa, *Amerykański i europejski sposób prowadzenia wojny. Polska perspektywa*, [w:] *Polska-Niemcy. Tożsamości i kryteria bezpieczeństwa w stosunkach transatlantyckich*, *op.cit.*, s. 98.

⁵¹ H. Kohl, *op.cit.*, s. 30.

⁵² K. Diekmann, *op.cit.*, s. 361.

⁵³ Ibidem, s. 109, 129-130; B. Мазер, *op.cit.*, s. 304-305.

⁵⁴ M. Mildemberger, *op.cit.*, s. 164.

Накануне выборов в бундестаг, которые состоялись 18 сентября 2005 г., появилась реальная надежда на улучшение двусторонних отношений. Лидер христианских демократов и будущий канцлер А. Меркель, а также федеральный президент, представитель ХДС Х. Кёлер оказали поддержку одному из кандидатов на пост президента Польши Д. Туску, шансы которого занять этот пост расценивались в конце лета – начале осени 2005 г. как очень высокие. Немецкие политики пообещали лидеру «Гражданской платформы» не предпринять никаких совместных действий с Россией «через голову» Варшавы, имея в виду, в первую очередь, инициированный Г. Шредером проект строительства Североевропейского газопровода (СЕГ)⁵⁵.

Однако даже такая поддержка не слишком помогла тогда Д. Туску. В отличие от А. Меркель он проиграл выборы, а новый президент Польши Л. Качиньский едва ли оценил помощь немецких христианских демократов его конкуренту. Помимо этого, лидирующие позиции в правительстве Германии сохранили сторонники прежнего канцлера, в том числе бывший глава аппарата Г. Шредера Ф.-В. Штайнмайер, который занял пост министра иностранных дел. В итоге существенного улучшения двусторонних отношений не произошло, а имевшиеся проблемы продолжали оказывать негативное воздействие на их развитие.

Как справедливо отмечает немецкий эксперт К. Бахманн, в Польше первоначально возлагали большие надежды на приход к власти в ФРГ А. Меркель. Однако новый канцлер не стала отказываться от строительства СЕГ и проигнорировала предложение польского руководства о внесении в текст преамбулы Европейской Конституции упоминания о христианских ценностях. В отличие от Г. Коля, который рассматривал поддержку «возвращения в Европу» Польши как моральный долг немцев перед поляками, новое поколение христианских демократов во главе с А. Меркель предпочитало строить свою политику в отношении восточного соседа исходя из реальных интересов немецкой политики и экономики⁵⁶.

Кроме того, руководство ХДС не могло не учитывать определенного рода недоверия к лидерам РП в немецком обществе, который явился следствием ухудшения отношений между двумя странами в период правительства Г. Шредера. Деятельность «Союза изгнанных», настойчивые усилия которого увенчались 6 сентября 2000 г. созданием уже упомянутого Центра против изгнаний в Висбадене, приобретала все более активный характер⁵⁷. На смену прежнему руководству этой организации, которое прислушива-

⁵⁵ *Tusk po spotkaniu z Koehlerem: W polityce ważne są gesty*, <http://www.platforma.org> (31 VIII 2005); *Wspólna polityka wobec Rosji. Donald Tusk po spotkaniu z Angelą Merkel w Warszawie*, <http://www.platforma.org> (16 VIII 2005).

⁵⁶ A. Niewiadomska-Frieling, *op.cit.*, s. 150, 155-156.

⁵⁷ Unsere Stiftung. Chronik, <http://www.z-g-v.de> (10 III 2008).

лось к мнению Г. Коля и его коллег по партии в 1990-е годы, пришли радикально настроенные политики, выразителем настроений которых стала избранная в 1998 г. председателем союза депутат бундестага от фракции ХДС Э. Штайнбах⁵⁸.

Она не стеснялась употреблять в отношении Польши и Чехии выражение «Vertreiberstaaten», которое можно перевести как «государства-гонители», что едва ли способствовало укреплению сотрудничества ФРГ с этими странами. Не менее опасной инициативой был призыв организации «Прусская опека» к депортированным немцам и их потомкам подавать частные иски о возмещении стоимости конфискованной собственности в европейские суды. Такой шаг мог привести к серьезным осложнениям в двусторонних отношениях и поставить под угрозу германо-польское экономическое взаимодействие. Хотя и Г. Шредер, и А. Меркель выступали против таких попыток, угроза их реализации по-прежнему остается актуальной⁵⁹. Более того, в конце ноября 2006 г. Э. Штайнбах не преминула сообщить, что деятельность Центра против изгнаний поддерживает правительство. По ее словам, в 2007 г. «Союзу изгнанных» планировалось предоставить 250 тыс. евро из федерального бюджета для проведения исследований по проблеме беженцев и депортаций. Еще 750 тыс. евро предназначалось для организации передвижной выставки, посвященной этой теме⁶⁰. Однако депутат бундестага предпочла не заострять внимание на том, что эти средства будут выделены для изучения проблемы изгнания в целом в контексте трагического опыта массовых переселений XX в. А заниматься этим будет не столько возглавляемая ею организация, сколько упомянутый в постановлении бундестага о создании европейского Центра против изгнаний музей «Дом истории» в Бонне⁶¹. Примечательно, что в 2008 г. на эти цели предполагалось выделить уже 1,2 млн. евро⁶².

После победы на парламентских выборах в Польше 21 октября 2007 г. «Гражданской платформы» во главе с Д. Туском и формирования им нового правительства отношения между двумя странами начали постепенно стабилизироваться. Налаживание более тесного взаимодействия с Германией было одним из предвыборных лозунгов этого политика и, придя к власти, он начал активно использовать уже наработанные контакты с немецкими коллегами, в первую очередь, с А. Меркель. Вместе с тем, наблюдается опре-

⁵⁸ Erika Steinbach, CDU/CSU, <http://www.bundestag.de> (10 III 2008).

⁵⁹ K. Bachmann, *Polska kaczka w europejskim stawie...*, s. 153, 166, 176.

⁶⁰ Bundesregierung unterstuetzt Zentrum gegen Vertreibungen, <http://www.z-g-v.de> (10 III 2008).

⁶¹ Fuer ein europaeisch ausgerichtetes Zentrum gegen Vertreibungen. Beschluss des Deutschen Bundestages vom 4. Juli 2002, <http://www.z-g-v.de> (10 III 2008).

⁶² J.-K. Fromme, *Bundshaushalt 2008 bietet gute Perspektiven für Vertriebene, Aussiedler und deutsche Minderheiten*, „CDU/CSU-Fraktion im Deutschen Bundestag“, 5. Juli 2007.

деленный скептицизм по поводу возможности быстрого восстановления прежнего уровня доверия в двусторонних отношениях. Польские эксперты М. Мушиньский и К. Рак утверждают, к примеру, что позиция «Гражданской платформы» по таким вопросам как роль Польши в процессе принятия решений органами управления ЕС или целесообразность подписания специальной германо-польской декларации о правовой обоснованности имущественных претензий депортированных немцев к РП, намного жестче взглядов лидеров «Права и Справедливости»⁶³.

Тем не менее, необходимо констатировать, что достижению взаимопонимания между двумя странами в настоящее время способствуют такие важные факторы, как:

- *Усиление экономической взаимозависимости двух государств после вступления Польши в ЕС.* Если Германия еще в первой половине 1990-х годов прочно закрепила за собой статус основного внешне-торгового партнера РП, то значение этой страны для немецкой экономики существенно возросло уже после 2004 г. В настоящее время Польша входит в десятку ключевых экспортеров немецких товаров и услуг. На ее долю приходится около 3% от общего объема германского экспорта. Рост импорта из РП в ФРГ передвинул эту страну на тринадцатое место, при этом Польша опередила таких традиционных партнеров Германии как Испания и Швеция⁶⁴.
- *Необходимость координации усилий в отношениях с восточными соседями, в том числе в рамках Европейской политики добрососедства.* Примером такого сотрудничества можно назвать совместную деятельность по преодолению политического кризиса в Украине в конце декабря 2004 г.⁶⁵ Постоянное взаимодействие в рамках ЕС и НАТО вынуждает сегодня руководство обеих стран избегать возникновения новых противоречий. Нахождение Германии и Польши в общем военно-политическом пространстве объединенной Европы предоставляет им уникальную возможность преодолеть негативное историческое наследие, совместно решая актуальные как для Берлина, так и для Варшавы проблемы⁶⁶ [9, с. 72-73].
- *Снижение интереса к деятельности «Союза изгнанных» и открытого по его инициативе Центра против изгнаний.* Оно обусловлено,

⁶³ K. Rak, *Doktryna Merkel*, „Wprost” 2007, nr 44.

⁶⁴ *Der Fischer Weltalmanach 2008: Zahlen – Daten – Fakten*, Frankfurt am Main 2007, s. 119, 693.

⁶⁵ K.-O. Lang, *Kooperacja pragmatyczna zamiast partnerstwa strategicznego? Stan i perspektywy stosunków niemiecko-polskich*, [w:] *Stosunki polsko-niemieckie 1949-2005. Wspólnota wartości i interesów?*, op.cit., s. 263.

⁶⁶ S. Dębski, *Tożsamość i doświadczenia historyczne Polaków a polska polityka zagraniczna*, [w:] *Pol-ska-Niemcy. Tożsamości i kryteria bezpieczeństwa w stosunkach transatlantycznych*, op.cit., s. 72-73.

в первую очередь, несогласием с позицией руководства этой организации лидеров ведущих политических сил ФРГ. Кроме этого, нельзя не согласиться с К. Бахманном, который констатировал, что Э. Штайнбах не хватает традиций, харизмы и морального авторитета для того, чтобы выступать от имени всех немцев, пострадавших от депортаций⁶⁷. Осознавая негативные последствия собственных действий для репутации союза, уже 30 сентября 2005 г. его лидер подчеркнула, что Центр против изгнаний дистанцируется от деятельности организации «Прусская опека», которая продолжала настаивать на выплате компенсаций⁶⁸. Представляется, что для большинства немцев вполне очевидно, что деятельность этих двух организаций едва ли способствует формированию коллективной идентичности ЕС и построению коллективной системы европейской безопасности, о чем, к примеру, размышляет польский исследователь Р. Стемплровский⁶⁹.

- *Постепенное расширение контактов между жителями двух стран в рамках Европейского Союза*. Как справедливо указывают многие авторы, сегодня немцы и поляки еще очень мало знают друг о друге, что во многом предопределяет сохранение прежних стереотипов восприятия и появления новых⁷⁰. Именно взаимопонимание на межличностном уровне может в дальнейшем минимизировать влияние «Союза изгнанных» на политическую ситуацию в ФРГ, которое становится особенно заметным в период избирательных кампаний⁷¹.

Все эти тенденции способны оказать позитивное влияние на развитие германо-польских отношений при осознании руководством двух стран важности их эффективного взаимодействия для решения ключевых проблем европейской политики. При этом следует особо подчеркнуть, что тесное сотрудничество между Германией и Польшей, основа для которого была заложена еще в начале 1990-х годов, является важнейшей предпосылкой для укрепления и расширения единой Европы, полноправным членом которой в будущем может стать и разделяющая европейские ценности, демократическая Беларусь.

⁶⁷ K. Bachmann, *Polska kaczka w europejskim stawie...*, s. 169.

⁶⁸ *Zentrum gegen Vertreibungen (ZgV) distanziert sich erneut von Preußischer Treuhand*, <http://www.z-g-v.de> (10 III 2008).

⁶⁹ R. Stemplowski, *Tożsamość zbiorowa i zbiorowe bezpieczeństwo, czyli o materii sprzyjającej łączeniu doświadczenia indywidualnego ze zbiorowym, i myślenia potocznego z teorią*, [w:] *Polska-Niemcy. Tożsamości i kryteria bezpieczeństwa w stosunkach transatlantyckich*, *op.cit.*, s. 16-17.

⁷⁰ M. Ecker-Ehrhardt, *Poczucie wspólnoty wśród elit. Uwagi i analizy*, [w:] *Stosunki polsko-niemieckie 1949-2005. Wspólnota wartości i interesów?*, *op.cit.*, s. 215-220; A. Niewiadomska-Frieling, *op.cit.*, s. 230-233, 248-249.

⁷¹ J. Wiatr, *op.cit.*, s. 44-45.

Summary

Władysław Waleriewicz Frolcow

The German Policy towards Poland in the 1990s and early 2000s: main tendencies and contradictions

The author of the article analyzes an interaction between Germany and Poland which was one of the most problematic aspects of the German foreign policy in this period. Despite the active bilateral cooperation in various spheres, including the EU and NATO, foreign policy positions of Berlin and Warsaw do not always coincide. And the list of acute questions does not decrease, but increases.

Nevertheless an achievement of the mutual understanding between two countries is promoted at this moment by such important factors as: 1) Strengthening of bilateral economic interdependence after Poland's joining the EU; 2) Necessity of efforts coordination for relations with the eastern neighbors, including the European Neighborhood Policy; 3) Decrease of interest in Germany to the activity of the Federation of Expellees («Bund der Vertriebenen») and the Center Against Expulsions («Zentrum gegen Vertreibungen») which was opened under its initiative; 4) Gradual expansion of contacts between German and Polish citizens within the EU.

All these tendencies are able to make a positive impact on development of the German-Polish relations if the political elites of both countries realized the importance of their effective interaction for decision of key European problems.

Władysław Waleriewicz Frolcow – dr nauk historycznych, docent Katedry Stosunków Międzynarodowych Białoruskiego Uniwersytetu Państwowego w Mińsku.